Елена Иванова
Белорусский государственный университет

БИБЛЕЙСКОЕ СЛОВО В ПАСХАЛЬНОМ РАССКАЗЕ А. ЧЕХОВА «ПИСЬМО»

Произведения пасхальной тематики, традиционно печатавшиеся в весенних выпусках журналов, всегда являлись основой для создания мифологического пространства, глубинного философского подтекста, помогали оставаться на высоте общечеловеческих идеалов, что обусловлено доминантной ролью праздника Пасхи в православии.

Жанровая специфика таких произведений предопределяет своеобразие их содержания, целый комплекс мотивов и приемов, включающих цитаты из текстов Священного Писания, многочисленные аллюзии и реминисценции, тем самым формируя читательские ожидания. Однако в этих рассказах «мы имеем дело не только с литературной традицией, “памятью жанра”, литературной игрой, но и с аксиологическим феноменом русского православия в форме народного христианства, к глубинным символам которого Чехов тяготел на протяжении всей жизни» [3, с. 9].

Основные черты пасхальных рассказов – это приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников, «душеспасительное» содержание, противопоставление света и тьмы, трехчастная архитектоника: грех – обретение веры – прозрение, соотносящаяся с мифологическим инвариантом «жизнь – смерть – воскресение», сюжет преображения и нравственного перерождения, прощения во имя спасения души.

Последний мотив проникает в рассказы Чехова второй половины 80-х годов во многом под влиянием произведений Л. Н. Толстого. Так, библейские цитаты и реминисценции, а также символика христианского календаря формируют философский подтекст в рассказе «Письмо» (1887).

В православной церкви за три недели до Пасхи начинается духовная подготовка верующих к празднику: в воскресенье первой недели читают евангелие о мытаре и фарисее, второй – притчу о блудном сыне, третья неделя посвящена размышлениям о страшном суде. Именно эти эпизоды Священного Писания организуют глубинный философский подтекст рассказа Чехова.

В образе сына дьякона переплелись аллюзии на двух новозаветных персонажей. Имя героя позволяет соотносить его с апостолом Петром. Однако чеховский персонаж – прямая противоположность ученику Христа. Симон до своего призвания занимался ловлей рыбы, Сын божий нарекает его Кифа, то есть «камень», который должен стать опорой

Церкви (Мф. 16 : 18). Петруша, напротив, «презрительно и критически относился к рыбной ловле» [4, с. 157]. Сам отец подчеркивает разницу между ним и его святым покровителем: «Мой же Петр не камень, а тряпка» [4, с. 161]. «Неверяка-сынок» ассоциируется скорее с блудным сыном: он не соблюдает поста, «с какой-то мадамой живет, с чужой женой» [4, с. 156]. Но в произведении акцент сделан не на его раскаянии и возвращении, а на образе любящего и всепрощающего отца. Дьякон улыбается, когда говорит или вспоминает о сыне. Теплота родительского чувства подчеркивается и его фамилией – Любимов. Наивный и простаковатый дьякон искренне переживает за своего непутевого отпрыска.

Эти две мифологические ипостаси образа чеховского Петрухи сходятся в точке прощения: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18 : 21–22). В свою очередь и притча о блудном сыне, заканчивающаяся примирением и прощением, показывает бесконечность милосердия Божия к грешной душе человека.

В рассказе происходит «столкновение двух “правд”, рассудочной и сердечной, суровой и простодушной» [2, с. 199], которые высказывают антагонисты: благообразный о. Федор и опустившийся о. Анастасий. Возможно, источником подобного противостояния являются противоречия Священного Писания. Так, в Евангелии от Матфея Иисус говорит, что послан на землю Богом карающим: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10 : 34), а в Евангелии от Иоанна – Богом милующим, обещающим жизнь вечную: «И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его; ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин. 12 : 47).

В «Письме» устами благочинного говорит Бог карающий. Но, изливая свой гнев, священник сам впадает в грех, ведь на Пасху нужно всех прощать. Позицию Бога милующего выражает пьяница о. Анастасий: «А ты, дьякон, рассуди: наказующие и без тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующих поискал! <…> не праведников прощать надо, а грешников» [4, с. 162]. «Борясь с желанием выпить», этот жалкий, запутавшийся грешник произносит слова из Покаянного Псалма царя Давида: «Во гресех роди мя мати моя, во гресех жил, во гресех и помру» [4, с. 163], начинающегося просьбой о прощении: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей» (Пс. 50 : 1).

Противопоставлением о. Федора и о. Анастасия в текст рассказа имплицитно вводится притча Христа о мытаре и фарисее. Два человека

пришли в храм, два грешника, вся разница между которыми состоит в том, что один не видел себя грешником, стал перед самым алтарем, он мнит себя достойной личностью перед Богом и людьми, а другой глубоко сознавал и переживал свою малость из-за грехов и, не смея пройти вперед, стал вдали.

По мнению С. Д. Абрамовича, «упрекаемый за пьянство благочинным о. Анастасий в своей новой ризе <…> выглядит во “внутреннем сюжете” <…> подлинно призванным на “пир брачный”, ибо он-то единственный тут по-настоящему добр и великодушен. Само пьянство его есть символическая параллель евангельской теме пира со Христом, сопричастности Жениху. Да и имя “Анастасий” – воскресший – говорит само за себя» [1, с. 8]. Можно возразить исследователям, которые считают, что библейские аллюзии в данном рассказе содействуют исключительно ироническим целям. Напротив, в образе жалкого, забитого, униженного и спившегося Заявкина Чехов через библейскую «репродукцию» не высмеивает погрязшего в многочисленных грехах сельского священника, а возвышает его скрытую добродетельность.

В первой редакции рассказа о. Федор, вдохновленный пасхальной утреней и словами песнопения: « – …и друг друга объимем! – пели певчие – рцемъ: братие! И ненавидящим нас простим вся воскресением» [4, с. 516], в душе прощает и грехи о. Анастасия, и Петра, советуя дьякону пока не посылать письма. Но в окончательном варианте эта чересчур прямолинейная концовка была изменена Чеховым.

Приписка, сделанная любящим и скучающим по сыну отцом, необыкновенно трогательно говорит о победе добрых человеческих чувств, о прощении, идея которого торжествует в рассказе. Библейские цитаты и реминисценции способствуют созданию особой эмоциональной атмосферы произведения, проецируются на реально-бытовой план и тем самым поднимают его на уровень философских размышлений.

Литература

1. Абрамович, С. Д. Концепция личности у Чехова-повествователя в контексте идейно-эстетических исканий русского реализма : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10. 01. 01 / С. Д. Абрамович. – Киев, 1991. – 36 с.
2. Бердников, Г. П. А. П. Чехов. Идейные и творческие искания / Г. П. Бердников. – М.-Л. : Гослитиздат, 1961. – 507 с.
3. Собенников, А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”…» : (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова) / А. С. Собенников. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – 222 с.
4. Чехов, А. П. Письмо / А. П. Чехов // Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – Т. 6. – М. : Наука, 1985. – С. 153–163.